ИСТОРИЯ И ИСТОРИЗМ В ЛИТЕРАТУРЕ

В. В. КУСКОВ

Проблемы историзма древнерусской литературы XI—XII вв.

Принципы исторического подхода к фактам и явлениям древнерусской литературы начали разрабатывать русские ученые культурно-исторической и сравнительно-исторической школ литературоведения второй половины XIX—начала XX в. (А. Н. Пыпин, Н. С. Тихонравов, Ф. И. Буслаев, А. Н. Веселовский, М. Н. Сперанский и др.). В исследование историзма древнерусской литературы большой вклад был внесен В. Н. Перетцем, И. П. Ереминым, А. С. Орловым, Н. К. Гудзием, В. П. Адриановой-Перетц, Л. А. Дмитриевым, А. Н. Робинсоном и особенно Д. С. Лихачевым.¹ Благодаря трудам этих ученых древнерусская литература стала рассматриваться в процессе исторического развития, в тесной связи с историей русского общества и государства, становлением национального сознания, художественных форм.

Однако до сих пор остаются невыясненными вопросы: как формировалось понятие историзма в древнерусском обществе, что понималось тогда под историческим фактом, каковы были способы его изложения и оценки, что понималось под вымыслом и каково было соотношение факта и вымысла, прибегали ли средневековые писатели к обобщениям фактов и как соотносился «документализм» с занимательностью.

Исчерпывающие ответы на поставленные вопросы невозможно дать в пределах небольшой статьи, и предлагаемый этюд является лишь попыткой наметить некоторые общие контуры их решения.

Когда и как возникает историческая память о прошлом? Еще на стадии первобытно-общинного строя человек ощутил свою неразрывную связь с родом-племенем и начал осознавать преемственность поколений, временную связь потомков с предками — родоначальниками, свою общность с сородичами.

Эта ранняя ступень формирования историзма сознания у восточнославянских племен получила свое отражение в «Повести временных лет». Повествуя о восточнославянских племенах, населявших равнины Восточной Европы, летописец отмечает: «Имяху бо обычай свой и законъ отец своих и преданья, кождо свой нравъ».² Родовые, племенные обычаи, предания —

¹ См. Лихачев Д. С. 1) Человек в литературе Древней Руси М., 1970, 2) Развитие русской литературы X—XVII веков Л., 1973, Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. М., 1980, Еремин И. П. Литература Древней Руси М. Л., 1966

² Повесть временных лет Ч. I Текст, перевод/Подгот. текста Д. С. Лихачева Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова, Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц М. Л. 1950 С. 14 Ч. 2 Приложения/Статьи и коммент. Д. С. Лихачева, Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц М., Л. 1950 Далее ссылки на это издание в тексте сокращенно П.В.Л. с указанием части и страниц

эти первые элементы исторической памяти, передававшиеся из поколения в поколение, постепенно закрепились традицией. Хранителями этих традиций были старейшины рода. Культ предка-родоначальника скреплял невидимыми нравственными нитями прошлое с настоящим, укреплял авторитет старейшины, хранителя чести и славы своего рода.

Культ рода, связанный с язычеством, длительное время сохранялся в сознании русского общества на протяжении XI—XIII вв.³ По принципу родового старшинства наследовался князьями великокняжеский престол в Киеве. Этот принцип окружался ореолом христианской святости путем прославления страстотерпческого подвига св. князей Бориса и Глеба.⁴

Все князья были связаны родственными узами и происхождении, как утверждала «Повесть временных лет», от единого родоначальника — князя Рюрика. Подчеркивалась постоянная родовая связь князей и преемственность поколений. Так, митрополит Иларион в «Слове о Законе и Благодати», прославляя «великааго кагана нашеа земли Володимера», подчеркивает, что он «внук старааго Игоря», «сын славнааго Святослава».⁵ Именуя Игоря «старым», Иларион отмечает его временную удаленность от своего («нынешнего») времени, т. е. середины XI столетия. К «храброму Олегову гнезду» относит автор «Слова о полку Игореве» северских князей, участников похода на половцев, тесно связывая Игоря Святославича с его дедом Олегом Святославичем (Гориславичем). На родовые связи князей с отцами, дедами и даже прадедами указывают также летописцы.

Родовые связи являлись, вероятно, первой формой постижения временной связи и преемственности поколений. В качестве предков-родоначальников выступают легендарные герои. Так, родоначальниками племен радимичей и вятичей летописец называет двух братьев Радима и Вятку, выходцев «из ляхов». «...держати почаша <...> княженье в полях» род Кия (ПВЛ, 1, 13). В 882 г. хитростью захватив Киев и убив Аскольда и Дира, Олег заявляет: «„Вы нѣста князя, ни рода княжа, но аз есмь роду княжа“, и вынесоша Игоря: „А се естъ сынъ Рюриковъ“» (ПВЛ, 1, 20).

С образованием военно-племенных союзов, их объединением в государственные образования на первый план выступают военачальник-князь и его дружина. Объектом исторической памяти становятся военные походы, битвы, героические подвиги военачальников. Дружинные певцы создают песни о достопамятных воинских походах. Эти устные военные «саги» — «летописи»⁶ затем составили основное ядро повествований о князьях-язычниках.

Новые принципы историзма в древнерусское общество внесло христианство. Книги Священного Писания — Евангелия, Апостол, а затем и Апокалипсис воспринимались не только как книги догматические, но и исторические, излагавшие судьбы человечества от «сотворения мира» до его «конца» — Страшного суда. В этих книгах «великая драма греха и искупления развернулась во времени, т. е. в истории».⁷

С принятием христианства в сознание древнерусских людей начинал постепенно входить календарь и хронологические представления о последова-

³ Комарович В Л Культ рода и земли в княжеской среде XI—XIII вв // ТОДРЛ М Л, 1960 Т 16 С 84—104

⁴ Сказание и страсть и похвала святому мученику Борису и Глеба // Успенский сборник XII—XIII вв / Изд. подгот. О А Князевская В Г Демьянов М В Ляпон, Под ред. С И Коткова М 1971 С 58—71 Жития святых мучеников Борису и Глебу и службы им / Пригот. к печати Д И Абрамович Пг 1916

⁵ Молдован А М Слово о законе и благодати Илариона Киев, 1984 С 91

⁶ Лихачев Д С Русские летописи и их культурно-историческое значение М Л 1947 С 58—76, 100—114

⁷ Блок М Апология истории или ремесло историка М, 1986 С 6

тельной смене лет, начиная с крайней точки отсчета времени — от марта месяца (древнееврейского месяца ниссана) первых дней творения мира. Конечным пунктом отсчета ветхозаветной истории явилось рождение Бого-Человека Иисуса Христа. Памятные, знаменательные события его жизни церковь вспоминает в круге годичном непрерывных и переходящих праздников. Однако в Древней Руси непрерывная цепь времен в сознании общества не прерывалась от дня сотворения мира и время продолжало двигаться от своего «начала» к «концу», к седьмой тысяче лет, т. е. «последнему веку», ведь христианство утверждалось на Руси св. Владимиром, когда седьмая тысяча уже достигала своей половины. Однако это не всеяло никакого пессимизма. Нестор, создавая Житие преподобного Феодосия Печерского, опровергал взгляд на то, что слабым должен быть «последний род». Иларион видел в принятии христианства-благодати акт всемирно-исторический: Русская земля, «знаема и слышима во всех концах мира», вошла равноправной христианской державой в семью христианских народов и обрела «спасение».

Формирование историзма древнерусской литературы происходит путем синтеза «историзма» родовых преданий, военной саги и христианского представления об истории, направляемой волею Творца. Этот синтез и был осуществлен в начальной русской летописи — «Повести временных лет».

Не касаясь сложного и до сих пор не решенного вопроса генезиса «Повести временных лет», обратим внимание на то, что сам факт появления летописи — результат высокого уровня исторического самосознания древнерусского общества XI—XII вв.

Своей задачей летописцы поставили выяснение важнейшего вопроса «откуда есть пошла Руская земля <...> и откуда Руская земля стала есть».

Историю Руси летописец включает в общую мировую историю, начиная повествование от всемирного потопа, когда «от Адама до Потопа» прошло 2242 года, и рассматривает славян в качестве потомков сына Ноя Иафета, причисляя славян, таким образом, к единой семье европейских народов.

Библейское сказание о разделении земель между тремя сыновьями Ноя — Симом, Хамом и Иафетом истолковывается летописцем в тех юридических и правовых понятиях, которые сложились в XI в. между русскими князьями-братьями, возводившими свой род к Рюрику. Они, подобно русским князьям, делят землю «по жребию» и обязуются «не преступати нико-му же въ жребий братьень» (ПВЛ, 1, 10).

Славянские племена включаются летописцем в общий перечень народов, населяющих землю на востоке, юге, западе и севере. Но постепенно это обширное «мировое» пространство сужается до бассейна Дуная, Вислы, Моравы и, наконец, Днепра, Припяти, Десны, Двины, Полоты, Сейма, Сулы, Буга, озера Ильмень и реки Волхов.

Объектом описания летописца становятся восточнославянские племена, места их расселения, нравы и обычаи. При этом из всех восточнославянских племен особо выделяется племя полян, живущее в среднем Поднепровье с центром в Киеве, основанном тремя братьями — Кием, Щеком, Хоривом и сестрой Лыбедью.

В летопись включаются сведения о переселении на Дунай болгар, угров, нашедших на племя дулебов («суших славян») обрвов-аваров, о зависимости полян от хазар. При этом оценка этих событий дается с позиций христианского мироздания.

Первая историческая дата, которую фиксирует летописец, — 6360 г., т. е. 852 г., когда «нача ся прозывати Руска земля» при византийском царе Михаиле, когда «приходиша Русь на Царьгородъ, яко же пишется в лѣтописаньи гречьстѣмь» (ПВЛ, 1, 17). Летописание греческое — это продолжение

византийской хроники Георгия Амартола, и этот документ служит русскому летописцу неоспоримым свидетельством появления Руси на мировой исторической арене. «...отселе почнем и числа положим, — решительно заявляет летописец и дает свою хронологическую выкладку событий от Адама до потопа, от потопа до Авраама, от Авраама до исхождения Моисеева, от исхождения Моисеева до Давида царя, от Давида царя до царя Соломона и пленения иерусалимского, т. е. вавилонского плена, от пленения до Александра Македонского, от Александра до Рождества Иисуса Христа, а от Рождества Христова до царя Константина, а от Константина «до Михаила сега» (см. там же).

Как известно, все эти хронологические выкладки восходят к краткой редакции «Летописца вскоре» патриарха Никифора (ум. в 829 г.), а общий итог лет от сотворения мира до Рождества Христова определен ошибочно в 5454 г., а не в 5508 лет (ПВЛ, 2, 231—233).

Таким образом летопись дает первую попытку периодизации «всемирной истории», продолжением которой служит периодизация русской истории по княжениям, начиная «от первого» князя Олега (Рюрик в этом перечне отсутствует, что свидетельствует о позднем происхождении сказания о призвании князей, т. е. по составлении этой «периодизации»). В общий перечень русских князей включены: Олег, Игорь, Святослав, Ярополк, Владимир, Ярослав, Святополк Изяславич, а имена Ярославичей отсутствуют.

С лета 6360 (862) г. начинается последовательная хронологическая канва положенных «по ряду» чисел, т. е. не прерываемый ни на единый год мерный ход лет, что ярко отражает представление средневекового автора об истории как о непрерывной движущейся во времени цепи событий. Когда известие о событии отсутствует, дата остается незаполненной, «пустой». Количество таких «пустых» дат особенно велико в летописном тексте, относящемся ко второй половине IX—первой половине X в. К концу X—началу XI в. их количество постепенно уменьшается.

Что же понимается летописцем под историческим фактом? Это прежде всего *событие*, «што ся здѣя в лѣта си» (ПВЛ, 1, 17). Это безусловно событие неординарное, не повседневное, не обыденное, а имеющее важное государственное значение, связанное с военными походами, отражением набегов степных кочевников, заключением мирных договоров, княжескими усобицами, крамолами, т. е. темы «войны и мира» с явным преобладанием тем «войны».

Сравнительно редко летописец сообщает о брачных союзах князей, рождении у них детей, ограничиваясь при этом лаконичной констатацией факта и не давая ему никакой оценки.

Известия о смерти князей порой сопровождаются небольшим некрологом-похвалой. Однако некрологов удостаиваются далеко не все князья, а сами некрологи различны по своему стилистическому оформлению. Как правило, тело князя хоронят в церкви, «оже бе сам созда», и его погребение сопровождается всенародным плачем.

Летописцы не проходят и мимо фактов, связанных со строительством князьями каменных храмов: Десятинной церкви в Киеве, Софийских соборов в Киеве и Новгороде, церкви Спаса Преображения в Чернигове и др. (Заметим, что воздвигаемые князьями храмы в свою очередь являются своеобразной каменной летописью Русского государства, поскольку их воздвижение связано с знаменательными памятными историческими событиями.)

Известия о церковных делах, сведения о митрополитах, епископах занимают в летописи довольно скромное место. Однако поскольку летопись родилась в стенах Киево-Печерского монастыря, то известия, связанные с основанием обители, повествование о преставлении ее игумена преподобного

Феодосия Печерского, рассказы о достопамятных черноризцах печерских занимают в летописи подобающее место. Кроме того, летопись отводит большое место прославлению страсготерпческих подвигов св. князей Бориса и Глеба и сказанию о перенесении их мощей из старого Вышгородского храма в новый.

Не проходят летописцы и мимо таких фактов, как знамения небесные: затмения солнца, луны, появления кометы Галлея, землетрясения, распространения моровых поветрий, нашествия саранчи. Эти явления потрясали умы древних русичей, тем более что в их сознании еще длительное время после принятия христианства удерживались древние языческие представления. Фиксируя эти явления, летописец опровергал эти представления и истолковывал небесные знамения в провиденциальном духе в качестве Божьего знамения, предостережения людям о необходимости отказаться от беззаконий и обратиться к покаянию.

Какое же словесное оформление получал факт в летописи? Простейшей повествовательной единицей летописи является погодная запись. Она предстает в виде простой констатации события без всякой его оценки.⁸ В подавляющем большинстве таких записей на первое место ставится само *действие*, т. е. *глагол*, при помощи которого и подчеркивается значимость того или иного события — «деяния». Например: «Поиде Мьстиславъ на Ярослава с козары и съ касогы» (ПВЛ, 1, 99); «В лѣто 6549. Иде Ярославъ на мазовъшаны, вѣ лодьяхъ» (ПВЛ, 1, 103).

Другой, более сложный, тип летописной записи близок к предыдущему. Здесь фиксируется не только «деяние», но и его результаты. Например: «Въ лѣто 6391. Поча Олегъ воевати деревляны, и примучивъ а, имаше на них дань по чернѣ кунѣ» (ПВЛ, 1, 20); «В лето 6555. Ярославъ иде на мазовшаны, и побѣди я, и князя ихъ уби Моислава, и покори я Казимиру» (ПВЛ, 1, 104).

Подобные типы летописных погодных записей следует отнести к простому, *документальному* летописному *стилю*.

Однако наряду с этими простейшими единицами повествования в летописи широко представлены более подробные описания событий с элементами сюжетного повествования.⁹

Д. С. Лихачев обратил внимание на наличие в летописи различных жанров повествования: легенды, топонимического предания, сказаний, связанных с могильниками, дружинным и народным эпосом, исторических и агиографических сказаний и, наконец, повестей.¹⁰

Порой на устный источник своих сказаний о далеком прошлом летописец указывает сам. Так, помещая в летописи сказание об основании Киева тремя братьями, летописец отвергает версию о Кие-перевозчике и доказывает его княжеское происхождение, рассказывая о походе Кия на Царьград, почестях, возданных греческим царем русскому князю, а также существованием на Дунае городища Киевец, якобы основанного Кием при возвращении из военного похода.

По мере того как летописец переходит от повествования о событиях «давно минувших лет» к событиям близким ему хронологически, его рассказы становятся более подробными и более тенденциозными.

Сам характер отбора фактов в летописи — свидетельство пристрастий летописца, его симпатий и антипатий. Эти пристрастия продиктованы не личными интересами составителя сказаний, а теми социальными группами,

⁸ Пурье Я. С. К изучению летописного жанра // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 94–108.

⁹ Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 35–36.

¹⁰ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. С. 100–114.

интересы которых он представляет и защищает: князя, монастырской братии, старшей дружины, «киян». Вычленив эти «интересы» из общего потока летописных известий, создающих впечатление «беспристрастия», бывает подчас нелегко. Однако летописец отнюдь не внимает равнодушно добру и злу. Он судит исторических деятелей-князей не только «Божьим», но и «людским» судом — судом праведным и нелицеприятным. Он осуждает ложь, лицемерие-«неправду» и подчеркивает силу добра, «милости Божией». Он осуждает княжеские крамолы, которые ослабляют Русскую землю, приводят к нарушению ее целостности, единства и торжеству «поганных» (язычников) — степных кочевников. С точки зрения интересов Русской земли и оценивает летопись деяния ее правителей-князей.

В то же время летописец прочно стоит на христианской провиденциальной позиции и рассуждает так: «Аще бо кая земля управится пред Богом, поставляет ей цесаря или князя праведна, любяща суд и правду, и властеля устрояет, и судью, правящаго суд. Аще бо князи правдиви бывають в земли, то многа отдаются согръшенья земли; аще ли зли и лукави бывають, то болше зло наводит Бог на землю» (ПВЛ, 1, 95). Считая, что источником зла является дьявол, летописец в то же время отмечает, что зло таится и в самом человеке, в его злой воле. Он подчеркивает, что «зол человек», «злая жена» хуже беса, ибо бес креста боится, а злой человек «ни креста не боится, ни людей не стыдится».

Как правило, летописец не устанавливает причинно-следственных связей между событиями. События излагаются подчас фрагментарно,¹¹ их объединяет только время: последовательность либо одновременность.

Однако в отдельных случаях летописец пытается указать на причины тех или иных поступков князей. Так, например, причиной распри Ярополка с Олегом летописец считает убийство Олегом Свинодича Люта во время охоты; причину властолюбия Святополка Окаянного видит в его происхождении «от двою отцу».

Средством обобщения фактов служат в летописи стилистические словесные формулы, связанные с изображением битвы,¹² погребением князя, сопровождающимся «обычными пеньями» и всенародным плачем.

Важным средством обобщения и оценки события — факта, деяний князей является прием исторической ретроспективной аналогии, прием цитирования текстов Священного Писания.¹³

События и героев отечественной истории летописец сопоставляет с событиями и героями истории библейской — «мировой». Так, например, оценивая поведение Владимира-язычника, его женолобие, летописец дает сопоставление русского князя с царем Соломоном, подчеркивая превосходство Владимира над царем-язычником: ведь Владимир стал христианином и тем самым обрел спасение в отличие от Соломона.

Преступление братоубийцы Святополка Окаянного осуждается в летописи путем его сопоставления с Каином. Подвиг крестителя Руси Владимира сопоставляется с подвигом римского императора Константина Великого. Сказание о хазарской дани — с историей взаимоотношений Моисея и фараона.

¹¹ Еремин И. П. Повесть временных лет как памятник литературы // Еремин И. П. Литература Древней Руси. С. 42—97

¹² Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.) М., 1902; Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси // ТОДРЛ М., Л., 1964 Т. 20 С. 29—40

¹³ Кусков В. В. Ретроспективная историческая аналогия в произведениях Куликовского цикла // Куликовская битва в литературе и искусстве. М., 1980 С. 10—38

Эти аналогии служат средством моральной и даже политической оценки исторических деятелей русской истории и приобретают обобщенно-символический характер. Соломон в восприятии древнерусских писателей и читателей становится символом мудрости, царь Давид — кротости, Иосиф Прекрасный — красоты, Самсон — силы, Каин — братоубийства.

Интерпретация факта, его словесно-стилистическое оформление в летописи также зависят от избранного жанра. Достаточно сопоставить летописную статью 6523 (1015) г. о смерти Владимира Святославича и «О убыении Борисове» со статьей 6605 (1097) г. — повестью об ослеплении Василька Тербовльского. Первая статья обнаруживает тесную связь с агнографическим жанром, ставящим своей целью «идеальное преобразование жизни»; вторая скрупулезно излагает факт, достоверность которого свидетельствует очевидец-автор — поп Василий.

Следует обратить внимание на то, что элементы художественного вымысла появляются уже в начальной летописи. Их содержат народные предания о событиях далекого прошлого, рассказы о чудесах, видениях, небесной помощи русским воинам. Однако эти «факты» в средние века не воспринимались в качестве вымысла, они рассматривались как достоверные события, засвидетельствованные «самовидцами», и являлись важным средством прославления святости героя, святости подвига.

Однако уже в агнографических сказаниях летописцы пытаются показать внутренние помыслы человека, его побуждения, и с этой целью создаются вымышленные монологи, раскрывающие благочестивые помыслы (князя Бориса, Глеба) или нечестивые побуждения (Святополка). Внутренние монологи Бориса приобретают характер лирической благочестивой медитации. Здесь на первое место выступали требования жанра. «Прелесть простоты вымысла» стала прежде всего проявляться в житии, патериковом рассказе (сказание о черноризцах печерских).

Таким образом, историческое повествование в «Повести временных лет» лишено стилистической однородности. Здесь намечаются те тенденции, которые затем получают свое развитие в летописном повествовании XIV—XVI вв.